

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Ш22

Оформление серии Е. Кузнецовой

ISBN 978-5-7516-1611-3

© Editions Mercure de France, 2010

© Е. Клокова, перевод, 2020

© ИД «Текст», издание на русском языке, 2020

*Моим родителям
Моему брату и Венди
Моим бабушке и дедушке,
которые были душой новой
Маньчжурии*

Игроки на площади Тысячи Ветров покрылись инеем и стали похожи на снеговиков. Из носов и ртов вырываются облачка белого пара. Сосульки, выросшие под шляпами, смотрят в землю. Небо стало перламутровым, пунцовое солнце катится к закату, все катится и катится. Интересно, где находится опочивальня солнца?

Когда здесь стали встречаться любители игры в го? Я не знаю. Доски, начерченные на гранитных столах, после тысяч и тысяч сыгранных на них партий превратились в лица, мысли, молитвы людей.

Я сжимаю руками бронзовую грелку, которую сунула в муфту, топаю ногами, чтобы разогнать кровь. Мой соперник — чужак, он пришел на площадь прямо с вокзала. Борьба становится все острее, и мне становится тепло.

Дневной свет гаснет, фигуры сливаются. Внезапно кто-то чиркает спичкой. В левой руке моего соперника появляется свеча. Другие игроки ушли. Я знаю, Матушка ужасно расстроится из-за моего позднего возвращения. С неба спустилась ночь, подул ветер. Мужчина защищает пламя свечи ладонью в перчатке. Я достаю из кармана бутылочку водки, делаю глоток — алкоголь обжигает мне горло. Решаю угостить незнакомца. Он смотрит удивленно, даже недоверчиво. Из-за бороды я не могу определить его возраст. Длинный шрам идет от виска через закрытый правый глаз. Поморщившись, человек одним глотком допивает водку.

Ночь сегодня безлунная, ветер стонет жалобно, как новорожденный младенец. Высоко в небесах бог ссорится с богиней, и звезды осыпаются на землю.

Мужчина считает и пересчитывает камни. Он проигрывает восемнадцать очков, вздыхает и протягивает мне свечу. Встает, выпрямляется во весь свой огромный рост, подхватывает чемодан и уходит, не оборачиваясь.

Я собираю фигуры в деревянные бочонки. Они скрипят у меня под пальцами. Мои верные солдаты со мной, и моя гордость удовлетворена. Сегодня я праздную сотую победу.

Матушка совсем маленького роста, она едва достаёт мне до груди. Долгий траур по мужу иссушил её тело. Когда я сообщаю об отправке в Маньчжурию, она бледнеет.

— Прошу вас, Матушка, пришла пора вашему сыну стать солдатом.

Она молча уходит в свою комнату. Весь вечер её горестная тень вырисовывается на белой пергаментной перегородке. Она молится.

Сегодня утром в Токио выпал первый снег. Я опускаюсь на колени, потом простираю ниц перед алтарем предков. Поднявшись, вглядываюсь в портрет досточтимого Батюшки. Он улыбается мне. Комната наполнена его присутствием. Если бы я мог унести его частичку с собой в Китай!

Семья ждёт меня в гостиной. Все сидят на пятках, храня подобающее моменту молчание. Сначала я приветствую Матушку, как делал в детстве, уходя в школу. Опускаюсь на колени и говорю: «Окасама*, я ухожу». Она низко кланяется в ответ.

* Почтительное обращение к матери по-японски. (Здесь и далее, если не оговорено иное, примеч. переводчика.)

Я открываю раздвижную дверь и выхожу в сад. Не говоря ни слова, Матушка, Маленький Брат и Сестричка следуют за мной.

Я оборачиваюсь и кланяюсь до земли. Матушка плачет. Темная ткань ее кимоно шуршит, когда она кланяется в ответ. Я пускаюсь бежать. Не в силах сохранять спокойствие, она бросается следом за мной по снегу.

Я останавливаюсь. Она тоже. Опасаясь, что я брошусь в ее объятия, Матушка отступает на шаг.

— Маньчжурия — братская страна! — кричит она. — К несчастью, террористы пытаются разрушить дружбу между нашими императорами. Твой долг — оберегать хрупкий мир. Выбирая между смертью и трусостью, отдай предпочтение смерти!

Посадка проходит под звуки трубы. Семьи солдат толпятся на пирсе, нам бросают ленты, цветы, звучат крики «браво!», приправленные горечью пролитых слез.

Берег удаляется, стихает шум порта. Горизонт расширяется, и нас поглощает бескрайнее пространство.

Мы сходим на берег в Корею — в Пусане, пересаживаемся в вагоны и едем на север. На

третий день, в сумерках, состав останавливается. Мы радостно прыгиваем на землю, чтобы размять ноги и помочиться. Я облегчаюсь, весело насвистывая. В небе над моей головой летают птицы. Внезапно я слышу приглушенный крик. Какие-то люди убегают к лесу. Шагах в десяти от меня на земле лежит Тадаюки, недавний выпускник военной школы. Из его горла хлещет кровь. Открытые глаза смотрят вверх. Мы возвращаемся в вагоны. У меня перед глазами стоит молодое лицо погибшего товарища, искаженное гримасой удивления.

Интересно, умереть так же легко, как удивиться?

Поезд приходит на маньчжурский вокзал среди ночи. Покрытая инеем земля сверкает в свете фонарей. Где-то далеко воют собаки.

3

Игре в го меня научил кузен Лу. Мне было четыре, ему — восемь лет.

Долгие часы сидения за доской были сущим мучением, но жажда победы удерживала меня в неподвижности.

Прошло десять лет, и Лу заработал славу исключительного игрока. В Новой Столице* его стиль был так знаменит, что император независимой Маньчжурии** даже пригласил его ко двору. Лу так и не поблагодарил меня за помощь, а ведь я была его тенью, его тайной, его лучшим соперником.

Кузену Лу всего двадцать, но он уже старик. Белые пряди волос падают на лоб. Он передвигается мелкими шажками, сгорбившись и скрестив руки. На подбородке у него выросла жалкая, как у столетнего старца, борода.

Неделю назад я получила от него послание: «Я еду к тебе, сестричка. Я принял решение обсудить с тобой наше будущее...»

Остальная часть письма Лу была недоговоренным признанием, словно кузен макал свою кисточку в бледную тушь. Скорописные идеограммы парят над строчками, как белые

* Синьцзин, столица Маньчжурии, сегодня — город Чанчунь. (Примеч. автора.)

** Пу И, последний китайский император. После образования в 1912 г. Китайской республики отрекся от престола. В 1932 г. с помощью японцев бежал из Тяньцзиня, где жил под надзором. Желая узаконить оккупацию Северного Китая, японцы посадили Пу И на трон Маньчжурии, которую провозгласили в марте 1932-го независимым государством. (Примеч. автора.)

